

СПЕЦИФИКА ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ИРОНИИ В РОМАНАХ ГЮНТЕРА ГРАССА

Статья посвящена исследованию особенностей текстообразующей иронии и определению средств ее актуализации в романах Гюнтера Грасса, в творчестве которого ирония является стилиевой доминантой. Автор приходит к выводу, что основными средствами создания иронического смысла на текстовом уровне у Гюнтера Грасса выступают: лексический и структурный повтор, аллюзии, а также особенности манеры повествования.

Ключевые слова: ирония, текстообразующая ирония, аллюзия, структурный повтор, вертикальный контекст, нарративный способ образования иронии.

Статтю присвячено дослідженню особливостей текстоутворювальної іронії і визначенню засобів її актуалізації в романах Гюнтера Грасса, в творчості якого іронія є стильовою домінантою. Автор доходить висновку, що основними засобами створення іронічного сенсу на текстовому рівні у Гюнтера Грасса виступають: лексичний і структурний повтор, алюзії, а також особливості манери оповідання.

Ключові слова: іронія, текстоутворювальна іронія, алюзія, структурний повтор, вертикальний контекст, нарративний засіб створення іронії.

The following article is dedicated to the peculiarities of text-forming irony and its actualization in the novels of Gunther Grass, where the irony is the stylistic dominant. The author comes to the conclusion that the main devices of the ironic meaning creation on the text level include: lexical and structural repetition, allusion and the narration manner peculiarities.

Key words: irony, text-forming irony, allusion, structural repetition, vertical context, narrative way of creation of irony.

В современной лингвистике существует несколько подходов к изучению феномена иронии: **ирония как троп** – стилистический прием (Н. Нокс, У. С. Бут, Р. Тенер, А. А. Щербина, И. Р. Гальперин, О. С. Ахманова, И. В. Арнольд, Ю. М. Скребнев, Т. Ф. Лимарева и др.), заключающийся в противоречии между буквальным и скрытым смыслом слова и **ирония как текстообразующая категория**, связанная со структурой всего художественного текста и позволяющая автору имплицитно выражать свои эмоционально-оценочные позиции и передавать своё негативное отношение к тому, что изображено якобы в позитивных тонах (С. И. Походня, Ж. Е. Фомичева, А. В. Сергиенко, Ю. В. Каменская, Е. М. Кагановская, К. В. Охримович, М. Е. Лазарева, М. Ю. Орлов, О. М. Калита, Н. Н. Попкова и др.).

Характер авторской иронии находится в прямой зависимости от личности литератора, его социального статуса, политических убеждений, эстетических взглядов, этических предубеждений. Ирония, являясь формой оценочного, критического и эмоционального освоения действительности, обнаруживает самую тесную связь с творческой позицией самого автора, его мировоззрением.

Цель исследования заключается в определении специфики текстообразующей иронии в произведениях Гюнтера Грасса.

Объектом данного исследования выступает ирония как текстовая категория в романах выдающегося немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе 1999 года – Гюнтера Грасса, а **предметом** – средства ее создания в художественных произведениях писателя. Материалом исследования послужили художественные произведения Гюнтера Грасса разных периодов творчества: «Blechtrommel» (1959), «Hundejahre» (1963), «Beim Häuten der Zwiebel» (2006).

Актуальность данной работы определяется растущим интересом ученых к исследованию иронии как текстовой категории и механизмов ее реализации в художественном тексте.

Ирония как текстовая категория – **текстообразующая ирония** – тонкий, скрытый тип иронии, в котором приращение смыслов происходит градуально, по мере разворачивания текста. Такой тип иронии реализуется в мегаконтексте, связан с главной мыслью произведения и выражает скрытую субъективно-оценочную модальность,

как правило, отрицательного характера, являясь средством актуализации авторского мировоззрения. Под текстообразующей функцией иронии понимается ее способность быть связующим, конструктивным элементом семантико-смыслового пространства и формальной организации текста. Текстообразующую функцию в художественном тексте могут выполнять разнообразные грамматические, семантико-стилистические средства, которые, в свою очередь, зависят от объема, характера, жанровой принадлежности текста.

Исследование иронии в пределах целого текста художественного произведения позволяет разработать критерии порождения иронического смысла на уровне текста.

Актуальным средством создания иронии *на уровне текста* в художественных произведениях Г. Грасса выступает аллюзия. Под аллюзией понимается стилистический прием, состоящий в употреблении в речи или художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой. Важная для реализации иронии семантическая особенность аллюзий состоит в том, что «... значение слова должно рассматриваться как форма для нового значения...» [1, с. 187]. Примером может послужить отрывок из романа «Blechtrommel»: «*Ein ganzes leichtgläubiges Volk glaubte an den Weihnachtsmann. Aber der Weihnachtsmann war in der Wirklichkeit der Gasmann. Und er sagte: «Ich bin der Heiland dieser Welt ohne mich könnt ihr nicht kochen. Und er ließ mit sich reden, bot einen günstigen Tarif an, drehte die frischgeputzten Gashänchen auf und ließ ausströmen den Heiligen Geist...»*» [9, с. 165]. Иронический смысл в данном примере создаёт пародия на манеру повествования в библейских текстах. Текстообразующая ирония актуализируется здесь совокупностью разноуровневых средств: в результате использования библеизмов «*der Heiland*» – «Спаситель», «*den heiligen Geist*» – «Святой Дух», комического сравнения Деда Мороза – «*Weihnachtsmann*» и газовщика – «*der Gasmann*» с Господом Богом и анафоры «*und*» – «и», свойственной синтаксическим конструкциям ветхозаветных текстов. Эффект горькой иронии возникает в результате взаимодействия двух смысловых планов: эксплицитного – «газовщик в роли Деда Мороза открывает газовый кран» и имплицитного – «Гитлер, санкционирующий создание газовых камер».

Важным способом создания иронического смысла на уровне текста в романах Г. Грасса является также использование различных видов лексического повтора, посредством чего в тексте осуществляется градуальное приращение имплицитного смысла. Например: «*Glück, das war zwar nicht meine Trommel, Glück war nur Ersatz, Glück kann aber auch ein Ersatz sein, Glück gibt es vielleicht nur ersatzweise, Glück immer Ersatz fürs Glück, das lagert sich ab: Marmorglück, Sandsteinglück, Elbsandstein, Mainsandstein, Deinsandstein, Unser-*

sandstein, Glück Kirchheimer, Glück Grenzheimer. Hartes Glück: Blaubank. Wolkig brüchiges Glück: Alabaster. Widiastahl dringt glücklich in Diabas. Dolomit: grünes Glück. Sanftes Glück: Tuff. Buntes Glück von der Lahn. Poriges Glück: Basalt. Erkaltes Glück aus der Eifel. Wie ein Vulkan brach das Glück aus und lagerte sich staubig ab und knirschte mir zwischen den Zähnen» [9, с. 367]. Иронический эффект в данном контексте создается не только за счет повтора лексемы «*Glück*», но и посредством игры слов и авторских неологизмов: *Elbsandstein, Mainsandstein = Meinsandstein, Deinsandstein, Unersandstein* – «*Эльбский* песчаник, *Майнский* песчаник = *мой*песчаник, *твой*песчаник, *наш*песчаник», метафоры *das Glück knirschte mir zwischen den Zähnen* – «счастье скрипело у меня на зубах», а также перечислительной цепочки: *Marmorglück* – «мраморное счастье», *Sandsteinglück* – «счастье из песчаника», *hartes Glück* – «твёрдое счастье», *grünes Glück* – «зелёное счастье», *poriges Glück* – «пористое счастье» и т. д. Авторская ирония порождается противопоставлением двух смысловых планов: эксплицитного – «счастье» и имплицитного – «смерть». После окончания войны Гюнтер Грасс некоторое время работает в подмастерьях, изготавливая могильные плиты. Именно на кладбищах он впервые испытывает счастье от работы, именно здесь, по его мнению, «жизнь приобретает очертания» в виде могильных плит.

Использование Г. Грассом структурного повтора также является характерным способом создания иронической модальности на уровне текста. Под структурным повтором понимается значимое сходство, параллелизм абзацев, сверхфразовых единств, предикативно-релятивных комплексов, как в плане построения, так и в плане использованных для этого средств. Структурный повтор имеет, как правило, усилительный характер по отношению к иронии, выраженной лексическим повтором [5, с. 8]. Примером может послужить структурный повтор в пределах одной главы в произведении Г. Грасса «Hundejahre», где каждый новый абзац начинается фразой: «*Es war einmal...*».

«*Es war einmal ein Mädchen, das hieß Tulla...*» [10, с. 389]

«*Es war einmal ein Feldweibel...*» [10, с. 390]

«*Es war einmal ein Luftwaffenhelfer...*» [10, с. 392]

«*Es war einmal ein Cousin...*» [10, с. 392]

При различном семантическом наполнении каждый новый абзац начинается анафорой: *Es war einmal...* – «Жил был...». Подобный зачин является структурной характеристикой жанра сказок. Повествуя главным образом о войне, жертвах войны и лагерях, автор использует жанровую специфику сказки. Эффект горькой иронии возникает в данном случае из-за несоответствия между серьёзностью содержания и развлекательной формой повествования. Структурный повтор усилен в данном контексте повтором лексическим.

Целесообразно отметить, что для распознавания и декодирования текстообразующей иронии может требоваться не только контекст всего произведения в целом, но и знание **вертикального контекста**. Под вертикальным контекстом, вслед за И. В. Гюббенет понимаем контекст, образующийся посредством взаимодействия цитирующего и цитируемого, текста и прототекста [2, с. 98]. В зависимости от источника интертекстуальности, от места, которое занимает второй член коррелята «текст – прототекст», выделяются разные типы вертикального контекста. Прежде всего, это два основных типа: контекст культуры и социально-исторический контекст. Каждый из этих основных типов имеет свои подтипы: контекст культуры включает в себя контекст литературных произведений и контекст произведений других видов искусства, а социально-исторический контекст подразделяется на более узкие контексты реалий, топонимов, антропонимов, исторических фактов. Оба основных типа вертикального контекста очень важны для правильного понимания произведений Г. Грасса и, безусловно, для адекватного декодирования иронического смысла. Вертикальный контекст раннего творчества исследуемого автора образует, прежде всего, современные Г. Грассу социально-культурные и литературные реалии, а произведения позднего Грасса характеризуются возвратом в военное и послевоенное время, основной темой многих произведений становится осмысление второй мировой войны и вины в ней немецкой нации.

Стремление Гюнтера Грасса полнее проявить собственное ироническое отношение к изображаемой действительности побуждает его частично или полностью отказаться от линейного принципа построения сюжета. Специфика повествовательной манеры писателя характеризуется наличием одновременно нескольких ипостасей одного и того же рассказчика в одном художественном тексте. Постоянный переход от первого к третьему лицу, введение в сюжет многочисленных отступлений, постоянная смена точек зрения помогают создать иронию или подчеркнуть комизм ситуации.

Примером нарративного способа создания текстообразующей иронии может послужить фрагмент из романа Гюнтера Грасса «Beim Häuten der Zwiebel», где иронический эффект создаётся посредством раздвоенного сознания рассказчика и совмещения временных планов: **«Ich versuche ihn zu beruhigen, und bitte ihn, mir beim Häuten der Zwiebel zu helfen, aber er verweigert Auskünfte, will sich nicht als mein frühes Selbstbild ausbeuten lassen»** [8, с. 37]. В романе в пределах одного предложения сосуществуют Грасс – состоявшийся писатель «*ich*» – «я» и Грасс – никому не известный юноша «*er*» – «он». Умудрённый опытом писатель, в настоящем осуждающий преступления нацизма, вступает в полемику с самим собой семнадцатилетним, с юношей, в прошлом добровольно вступившим в войска СС.

Иронический смысл возникает в результате того, что юноша сопротивляется вступлению в диалог «*verweigert Auskünfte*» и отказывается быть прообразом Грасса.

Реализация текстообразующей иронии посредством манеры повествования особенно актуальна для раннего творчества Гюнтера Грасса. Ироническая модальность проявляется в художественных произведениях Г. Грасса на различных повествовательных уровнях и в разных формах. В речи повествователя ирония демонстрирует сознательную установку говорящего, является художественным средством характеристики персонажей и одновременно признаком речевого стиля нарратора.

В индивидуальном стиле осуществляется не только зависящий от «лингвистического вкуса» писателя своеобразный отбор и использование разнообразных речевых средств, не только манифестация присущих данному автору принципов композиции литературно-художественных единств, но и индивидуальный синтез форм и типов композиционной структуры [3, с. 126].

Характерным принципом текстообразующей иронии в произведениях Грасса является структура его произведений, организованная таким образом, будто повествователь и главное действующее лицо не имеют между собой ничего общего. Однако на самом деле повествователь выступает в романах писателя одновременно и главным героем. У Г. Грасса переплетение форм повествования создаётся в результате постоянных хронологических смещений. Так, например, в романе «*Blechtrommel*» рассказчик Оскар Мацерат исполняет одновременно и функцию рассказывающего и роль действующего лица на данном временном отрезке, о котором повествуется. Рассказывающий выступает не только в роли «вспоминающего сознания», но и в качестве «действующего лица», которое принадлежит фиктивному миру романа. Таким образом, читатель наблюдает объединение различных типов повествования (от 1-го и 3-го лица) в рамках одного предложения: **«Da ich das Stadttheater, wie ich es mir gedacht hatte, um diese Zeit verschlossen fand – die Abendkasse machte erst um sieben auf – trommelte ich mich unentschlossen, schon einen Rückzug erwägend, nach links, bis Oskar zwischen dem Stockturm und dem langgassen Tor stand»** [9, с. 98]. **«Поскольку театр, как я и полагал, оказался закрыт – вечерняя касса открывалась лишь в семь часов, – я нерешительно, уже подумывая об отступлении и барабана, начал смещаться влево, покуда Оскар не оказался между ярусной башией и Ланггасскими воротами»** (перевод наш). Постоянный переход от первого к третьему лицу является важным формальным средством создания образа повествователя в романе «*Blechtrommel*». Двуплановость повествования, введение в сюжет многочисленных отступлений, постоянная смена точек зрения и присутствие раздвоенного сознания

главного героя наделяют образ повествователя гротескными чертами.

Провести чёткую границу между авторским голосом и голосом персонажа иногда чрезвычайно трудно. Они бывают столь тесно переплетены, что «при малой протяжённости собственно авторской фразы в массиве изображённой речи она может полностью слиться с общим лично-доверительным тоном изложения. Тем не менее, морфологическое оформление изображённой речи и «прорывы» авторского голоса создают определённую дистанцию между внутренним миром героя и читателем» [4, с. 205].

Дистанция между рассказчиком и действующим лицом создаётся в художественных текстах Гюнтера Грасса неслучайно, а с целью взглянуть на одни и те же события якобы с разных точек зрения. Однако такая дистанция условна и иронический эффект в тексте создаётся именно за счёт условности дистанции повествователя к тому, о чём повествуется. Такой метод, по мнению Б. Аллеманна, помогает реализовать «ироническое настроение текста» [6, с. 12].

Так, например, в романе «Blechtrommel» повествователь выступает как бы инициатором разыгрываемой иронической полемики. Представление Оскара Мацерата о себе как о личности не соответствует характеру его действий, что находит конкретно-чувственное выражение в двуплановости образа, ситуаций, сюжета в целом, в результате чего главный герой произведения предстаёт перед читателем в двойном обличье.

Авторская концепция заключается в намерении с одной стороны – усложнить композицию гетерогенными элементами (противоречивыми ипостасями Оскара Мацерата), а с другой стороны расставить смысловые акценты таким образом, чтобы эти элементы, тем не менее, интегрировались в сознании читателя в единый образ повествователя. Существование в романе Оскара-рассказчика и Оскара-действующего лица создаёт впечатление «недостоверного рассказа», рассуждения трёхлетнего

ребёнка, равно как и умозаключения душевно-больного заставляют читателя усомниться в рассказываемом, сопоставить излагаемые факты. Ирония в данном случае вплетается в саму структуру повествования и может быть декодирована лишь посредством глубокого и всестороннего анализа всего художественного произведения в целом.

Двойственность главного героя, иными словами раздвоение обусловлено желанием автора превратить его в резонера в тексте, передать ему право быть источником иронической риторики. Не навязывая своё мировосприятие, Гюнтер Грасс тем самым даёт читателю право выбора той или иной позиции, побуждает его к активному осмыслению своего романа.

По мнению немецкого лингвиста В. Д. Штемпеля «сигнал иронии в «Жестяном барабане» реализуется посредством метонимии «Мацерат» – «Грасс» [7, с. 212], иными словами Г. Грасс в произведениях присутствует имплицитно, под маской одного из героев.

Здесь целесообразно отметить, что роман «Blechtrommel» не единственный, где происходит раздвоение повествователя, однако наиболее показателен с этой точки зрения. Все исследуемые художественные тексты Грасса выстроены подобным образом. Однако рамки данного исследования не позволяют рассмотреть подробно раздвоение образа повествователя в каждом из романов. Позволим себе лишь указать на такую особенность повествовательной манеры автора.

Распределение повествовательных ролей в исследуемых романах Гюнтера Грасса происходит, как правило, следующим образом: реальный/имплицитный автор «первый участник» – (автор иронии), фиктивный автор «второй участник» – (жертва иронии), имплицитный/реальный читатель «третий участник» – (реципиент).

Схематически распределение повествовательных ролей в романах Гюнтера Грасса можно представить следующим образом (рис. 1):

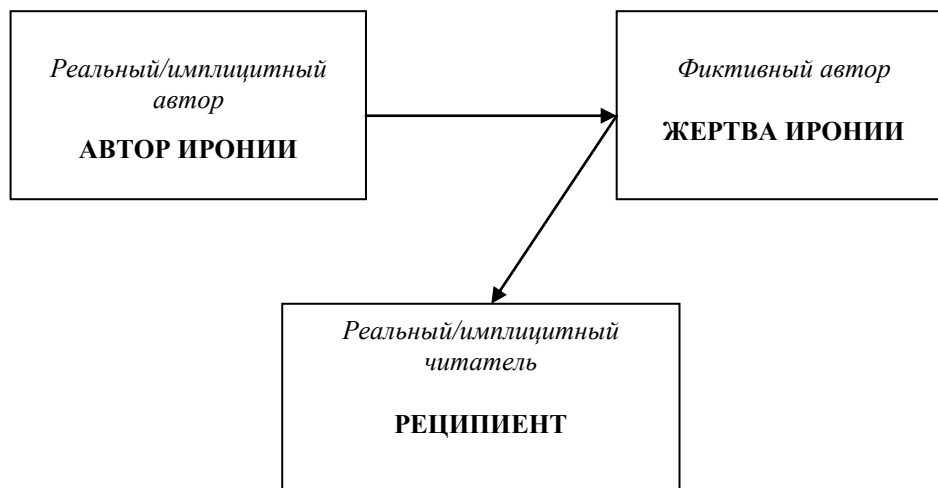

Рис. 1. Распределение повествовательных ролей в произведениях Г. Грасса

Выводы. Проведенный анализ позволил определить следующие свойства иронии как категории текста в творчестве Гюнтера Грасса: во-первых, такая ирония является важнейшим компонентом авторской концепции, идеи всего текста, и, во-вторых, она влияет на способ организации целостной системы произведения, смысл каждой части которого служит выявлению иронического смысла целого произведения. Основные способы реализации иронии на уровне текста в картине мира Гюнтера Грасса – лексический и структурный повтор, цитации, аллюзии.

Специфика текстообразующей иронии писателя заключается также и в особенностях его

повествовательной манеры, которая характеризуется наличием одновременно нескольких ипостасей одного и того же рассказчика в одном художественном тексте, нелинейностью повествования, совмещением временных планов повествования, хронологической двойственностью образа повествователя. В результате ироничным становится весь текст художественного произведения, что свидетельствует о своеобразии мышления Гюнтера Грасса, его склонности иронично отражать действительность. **Перспективным** представляется дальнейшее изучение средств актуализации иронии на текстовом уровне в романах Гюнтера Грасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. На англ. языке : учебник [для студентов институтов и факультетов ин. языков] / Илья Романович Гальперин. – М. : Высшая школа, 1977. – 336 с.
2. Гюббенет И. В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте / И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 97–102.
3. Колегаева И. М. О композиционно-речевом и архитектоническом членении художественного текста / Ирина Михайловна Колегаева, Е. А. Розанова // Научно-теоретический часопис з мовознавства. – Одесса : ОДУ, 1999. – № 3–4. – С. 126–131.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста : учебник [для студентов филологических специальностей] / Валерия Андреевна Кухаренко. – 3-е изд., испр. – Одесса : Латстар, 2002. – 292 с.
5. Охримович К. В. Ирония и принцип вежливости в английском диалоге : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ксения Валерьевна Охримович. – Уфа, 2004. – 24 с.
6. Allemann V. Ironie und Dichtung/ Beda Allemann. – 2. Aufl. – Pfullingen, 1969. – 249 S.
7. Stempel W.-D. Ironie als Sprechhandlung/ Wolf-Dieter Stempel. – Herausgegeben von Wolfgang Preisendanz / Rainer Warning. – München, 1976. – S. 205–235.
8. Grass G. Beim Häuten der Zwiebel/Günter Grass. – Göttingen : Steidl Verlag, 2006. – 480 S.
9. Grass G. Blechtrommel / Günter Grass. – Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1960. – 493 S.
10. Grass G. Hundejahre / Günter Grass. – Göttingen : Steidl Verlag, 1993. – 744 S.

© Діденко Н. М., 2013

Дата надходження статті до редколегії 30.04.2013 р.

ДІДЕНКО Наталя Миколаївна – к.філол.н., викладач кафедри іноземних мов природничих факультетів факультету романо-германської філології Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

Коло наукових інтересів: лінгвостилістика.